

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ Э. ГУССЕРЛЯ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Ц. В. ЧАЛОЯН

Рожденная эпохой глубочайшего кризиса буржуазного мира, кризиса, вылившегося в первую мировую войну, экзистенциалистская философия и в последующие годы, когда многим минувшая катастрофа уже казалась необъяснимым безумием, не разделила оживших было надежд капиталистической Европы на восстановление нарушенного равновесия и на дальнейшее продвижение западного общества по пути прогресса. Проникнутый глубоким скептицизмом, экзистенциализм оставался в оппозиции к любым рационалистическим теориям, направленным на объяснение, и, соответственно, предвидение исторического пути развития общества, относя их к числу предрассудков идеализма XIX столетия, который своими неосмотрительными заверениями «от лица» истории, эпохи, цивилизации дезориентировал человеческое сознание, лишив человека возможности трезво оценивать ту непосредственную, вне предполагаемых исторических «перспектив» реальность, в которой ему надлежит жить, действовать, принимать решения.

Первым экзистенциалистским произведением во Франции был «Метафизический дневник» Габриеля Марселя, начатый в довоенные годы.

Разразившаяся мировая катастрофа наложила на страницы всех последующих экзистенциалистских произведений неизгладимую печать, и темы, разработка которых намечалась ранее в духе английского гегельянства, получили ту, совершенно новую, интерпретацию, которая составила неотъемлемую специфику философской литературы экзистенциализма.

Первая мировая война нанесла оптимистическим прогнозам в области истории отрезвляющий удар. Экзистенциалистская философия, вызванная к жизни этим «прозрением» значительной части буржуазной интеллигенции, выдвинула в противовес дискредитировавшим себя догмам позитивизма следующие требования: отказ от мифа «будущего», признание всех прав за непосредственной, данной ситуацией как единственно очевидной, неоспоримой реальностью, в которой человеку приходится действовать, которая одна ставит его перед необходимостью выбора.

Эти требования — как их можно сформулировать на основании «Метафизического дневника» Марселя — обнаруживают глубокую внутреннюю близость экзистенциализма с основными положениями феноменологии Эдмунда Гуссерля (факт тем более знаменательный, что с учением Гуссерля Марсель еще не был знаком).

Периодом распространения во Франции гуссерлианской феноменологии были тридцатые годы, предшествовавшие второй мировой войне, годы, когда французская буржуазия своей политической близорукостью, изменой национальным интересам страны способствовала последующему военному и моральному краху Франции. Не случайно в этой обстановке феноменология Эд. Гуссерля (1859—1938) была воспринята скептически настроенной интеллигенцией как отказ от исторического оптимизма, от веры в исторический и социальный прогресс, как методологическое требование подвергать любые положения сомнению и проверке.

Феноменологические установки имели очень большое значение для выполнения тех задач, которые ставила перед собой французская экзистенциалистская философия. Единство этих направлений оказалось настолько органичным, что «нефеноменологический» экзистенциализм стал просто немыслим.

Если рассматривать учение Гуссерля лишь в свете тех методологических задач, которые сама феноменология наметила себе как «строгий паук», подчеркивая свою универсальную приложимость, то и в самом деле останется непонятным, почему смятенная, глубоко субъективистская философия экзистенциализма, затерявшаяся в самой гуще драматических событий века, использовала, или, точнее, полностью отождествила себя именно с этим методом, целью которого было непредвзятое выявление истин, чуждых всему временному, случайному, субъективному.

Цели, которые преследует феноменологический метод, изложены в предисловии к французскому изданию труда Гуссерля «Философия как строгая наука» исследователем феноменологии К. Лауэром следующим образом: «Это, прежде всего, стремление к абсолютно истинному знанию бытия, чуждого всякого скептицизма, субъективизма или релятивизма: отказ примириться с суждением, если оно не апробировано критическим разумом как значимое объективно для всех людей и во все времена. Подобная наука должна находиться в *непосредственном контакте с абсолютным бытием*. Она отстраняет от себя все, что может дать повод сомнению, т. е. область случайного, эмпирического: она отвергает все философские построения, которые ищут за непосредственным данным иную реальность, которую Гуссерль определяет как «метафизический абсурд»¹.

В свете всего этого может показаться, что феноменология и экзистенциализм резко расходятся в понимании характера и задач философии. Действительно, Гуссерль, вопреки экзистенциалистам, требует устранения из сферы исследований всего «экзистенциального», индивидуального. На этом основании многие буржуазные философы приходят к выводу о принципиальном «идеализме» гуссерлевской философии, в отличие от экзистенциалистского «реализма».

¹ E. Husserl, Philosophie comme science rigoureuse. Introduction et commentaire par Qu. Lauer, P., 1955.

Так, исследуя феноменологические истоки философии Ж.-П. Сартра, Ф. Жансон пишет: «Гуссерль сделал метод самоцелью и построил искусственную онтологию сущностей и чистого сознания: он абстрагировался от действительности, от *facticité*. Гуссерлевское понятие интенциональности не могло не сделать его учение антиподом экзистенциализма и идеализмом»².

Поиски Гуссерлем чистых «сущностей», отказ от всего случайного, единичного, связанного с индивидуальным существованием, казалось бы, не могло быть использовано экзистенциализмом, этой скептической «философией существования» XX века. И тем не менее, именно феноменология в качестве метода привлекала и в значительной мере устраивала экзистенциализм больше, чем какое-либо другое направление современного идеализма.

Феноменология в качестве метода привлекала экзистенциализм и теми гарантиями, которые она давала этому обновленному знанию своей ориентацией на вечность. Новые истины, поиски которых связали судьбы французского экзистенциализма и феноменологии воедино, должны были оказаться непроницаемыми перед лицом будущего, всегда несущего утрату иллюзий. Подобную устойчивость им мог бы обеспечить лишь скептицизм феноменологического метода, предупреждающий возможность ошибок истории. Рассмотрим, в каком именно плане экзистенциалистами был подхвачен и усугублен присущий феноменологическому методу гносеологический идеализм. Экзистенциализм подхватил и использовал «допущение» гуссерлианской феноменологией объекта явной действительности в качестве пассивной сущности, не оказывающей воздействия на человека в процессе познания, на его ориентацию.

Именно это «допущение», наличествующее в различных экзистенциалистских концепциях, выглядит в глазах самих экзистенциалистов достаточным основанием для того, чтобы называть свои феноменологические взгляды «реалистическими».

Как бы «абстрагируясь» от реального мира, этот идеалистический метод стремится выявить смысл и характер человеческой деятельности: орудием подобного исследования в феноменологии служит понятие интенциональности (иначе говоря, незаинтересованной целеустремленности).

Однако для того чтобы понять, что такое интенциональность и какую роль она играет в философской системе Гуссерля, необходимо рассмотреть некоторые предпосылки его философии. Среди них особое место занимает теория очевидности.

Лишь у двух мыслителей в истории философии очевидность выступала как одна из основных методологических предпосылок — это у Декарта и у Гуссерля. Не случайно Гуссерль часто ссылается на филосо-

² F. Jeanson, *Le problème moral et la pensée de Sartre*, P., 1965, p. 114.

фию Декарта. «В самом широком смысле очевидность означает всеобщий «прафеномен интенциональной жизни»³.

Способом установления подлинной очевидности может послужить феноменологическая редукция. Лишь редукция, по Гуссерлю, способна «отстранить все то, что не является «самим предметом». Более того, редукция — это та сила, которая сможет осуществить гуссерлевскую мечту — «вернуться к самому предмету».

Экзистенциализм подхватил и развил такие важнейшие положения гуссерлевской феноменологии, как: воздержание от любых «заклучений» с целью избежать пороков догматизма, «допущение» объективной действительности, при условии, что реальный ее характер не будет влиять на ориентацию человека, на принимаемые им решения. Они должны быть чисты, свободны от компромиссов, которых могут потребовать рационалистические суждения, исходя из определенных исторических предпосылок.

Французский феноменолог-экзистенциалист Мерло-Понти справедливо отмечает, что «основным уроком, который можно было извлечь из редукции, был вывод о невозможности полной редукции»⁴. Именно этот урок и извлек из гуссерлевской феноменологии французский экзистенциализм, стремясь путем отказа от традиционных рационалистических систем создать условия для обнаружения подлинных основ человеческого бытия.

В тесной связи с задачами, намеченными феноменологией, французский экзистенциализм на протяжении своего существования вплоть до начала второй мировой войны сосредоточивает свое внимание на двух центральных проблемах. Это, во-первых, проблема «феномена» и, во-вторых, проблема самого «сознания», проблема субъекта, которому надлежит действовать в этой освобожденной от иллюзий реальности. Путем решения этого ряда задач экзистенциализм стремится утвердить свою концепцию «человека в мире».

Остановимся на проблеме феномена, как она поставлена в экзистенциализме.

Прежде всего, феномен — это не явление, так как это не есть открывшийся нам аспект сущности. Феномен не указывает на что-то за собой, по выражению Сартра, кивая на это нечто «через плечо». Мир становится феноменом, если в какие-то минуты соприкоснуться с ним в той ситуации, когда становится ясно, что очевидность оказывается единственной, исчерпывающей себя реальностью.

Феноменологическая редукция стремится всякое данное обратить в феномен, в *vis-a-vis*, в реальность, освобождаясь от всех скрытых внутренних механизмов.

Эта тенденция, направленная на обнаружение действительности в качестве феномена, характерна уже для ранних экзистенциалистских

³ E. Husserl, *Méditations cartésiennes*, P., 1931, p. 82.

⁴ M. Merleau-Ponty, *Phénoménologie de la perception*, P., 1945, p. VIII.

произведений, в дальнейшем превращаясь в нечто программное в общем развитии французского экзистенциализма.

В гуссерлианской феноменологии, так же, как и в кантовском субъективном идеализме, особо подчеркивается активная роль субъекта в процессе познания. Но эта положительная сторона теории познания Канта в феноменологии гипертрофируется: отстраняется объект познания — «вещь в себе», абсолютизируется познающий субъект, становясь при этом и единственным источником познания, и обязательным условием существования вещей. Согласно учению Канта, источник наших знаний находится вовне, т. е. содержание наших знаний мы получаем при помощи ощущений, которые возникают в результате воздействия объективной действительности. «Чистому сознанию» принадлежит лишь форма этого знания. По Канту, нелепо говорить о существовании переживаний субъекта, например, чувства страха, озабоченности, отчаяния, как предшествующих опыту и находящихся вне всякой зависимости от него.

Хотя в гуссерлианской феноменологии и можно обнаружить тенденцию к сближению с объективным идеализмом, однако в гносеологическом субъекте феноменология видит единственного творца мира: она стремится растворить всю действительность в сознании. Так, Гуссерль пишет: «Существование природы не может обуславливать существование сознания, так как само существование природы оказывается коррелятом бытия сознания»⁵.

Если у Гуссерля в центре внимания была полемика с сознанием, чрезмерно «свыкшимся» с миром, каким его трактовала классическая идеалистическая философия, то у Сартра это уже полемика с сознанием конформистским, не ставящим под вопрос устаревшие нормы. В борьбе с этой пассивностью индивида Сартр использует гуссерлевское понятие «интенциональности» сознания. Он изображает «интенциональность» как непосредственную данность вещи в сознании, которая выражает одновременно и состояние субъекта в конкретной действительности, и проект, в котором эта действительность выступает соответственно целям и ценностям данного субъекта (т. е. в значительной мере формируется им согласно его проекту).

При помощи соединения феноменологии Гуссерля с философией экзистенциализма Сартр желал бы добиться психологической достоверности в описании феномена духовной жизни. Сартр называет свою философию «реализмом» на основании того, что он «не выносит внешний мир за скобки», как это делает Гуссерль, а находит его всегда уже данным в *cogito*. Однако от этого суть дела не меняется, ибо мир у Сартра, как и у Гуссерля, существует не в качестве объекта самого по себе, а лишь в виде объекта мысли.

Ключом к феноменологическому пониманию «реальности» может

⁵ E. Husserl, *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie, erstes Buch: „Husserliana“*, E. Husserl, *Gesammelte Werke*, Bd. III. Haag, 1950, S. 177.

служить следующее определение, которое Габриель Марсель дает связи между действительностью и воспринимающим субъектом: *затронутость, а не осведомленность*. Только та действительность, за которой не скрывается других возможностей, оставляет человека потрясенным, объясняет его к действиям, к немедленному выбору позиции.

Человек трансцендирует, превосходит чувство долга, которому он не может найти обоснования ни в практических условиях социальной жизни, ни в превратностях истории. И тем не менее это чувство, не объяснимое с точки зрения «здорового смысла», движет всеми его поступками.

Таким образом, за экзистенциалистской «очевидностью» стоит не равнодушие, «абсурдное», по выражению Сартра, бытие-в-себе, а властное ощущение человеком своей ответственности.

По окончании второй мировой войны, подводя итог всему, что было пережито страной в годы гитлеровской оккупации и героического движения Сопротивления, экзистенциалистская феноменология как бы заново утверждается в своих позициях.

Разумеется, реальными факторами освобождения страны были силы самые передовые и действенные, а не одно лишь индивидуалистическое, хотя и исполненное достоинства, стремление к «согласию с собой». Решающую роль в освобождении сыграли объединенные усилия населения, организованные действия, душой которых была Французская компартия. Французские коммунисты были примером беззаветного мужества, сочетавшегося с партийной выдержкой, страстной убежденностью, политической дальновидностью. Однако в тяжелых условиях подпольной борьбы, вынужденной изоляции от мира, когда многие отчаянные попытки протеста и подрывной деятельности предпринимались на свой страх и риск, — людям, далеким от убежденности коммунистов, логика экзистенциализма часто могла казаться адекватной самой сути происходящего, а экзистенциалистские категории — единственно способными измерить всю глубину исторической трагедии.

Результатом перенесенного опыта явился значительный труд французской феноменологии «Феноменология восприятия» Мерло-Понти (1945 г.), написанный с позиций пережитого и как бы подводящий итог достижениям феноменологии. Этот основополагающий труд по феноменологической психологии Мерло-Понти заканчивает следующими строками: «Дать ли подобный обет? Рискнуть ли ради этого жизнью? Принести ли «свободе» в жертву собственную свободу?... На эти вопросы нет теоретического ответа. Но есть вещи, которые представляются неоспоримыми, есть вот этот дорогой тебе человек, эти поработанные люди, твоя свобода не может утверждать себя, не стремясь к освобождению других. Но именно здесь надо воздержаться от слов, потому что лишь герой реализует свои взаимоотношения с людьми и с миром — и никому не дано говорить от его имени».

Следует сказать, что многие представители экзистенциализма лич-

ным участием в движении Сопротивления завоевали это право — говорить от собственного имени.

Однако экзистенциализм не стремился проследить связь национальной катастрофы Франции с реальными историческими факторами: изменой национал-социалистов, предательством империалистическими кругами национальных интересов страны. Для него все это остается как бы за скобками, а сама драма начинается тогда, когда агрессия, измена и позор соглашения уже стали «неумолимой очевидностью», приведшей в движение извечные факторы: насилие, самоотверженность, протест.

Современный кризис, охвативший систему капиталистических отношений, означал для экзистенциализма подтверждение тон духовной атмосферы века, которая побуждала человека вернуться к признанию безусловных основ своего бытия.

Этот курс на «прозрение» не через осведомленность, а через интуитивный опыт страдания, намечавшийся в феноменологии в начале столетия, был теперь в глазах экзистенциалистов полностью оправдан. Теперь все внимание феноменологии перенесено на момент решающего «субъективного обращения» человека (*conversion*): на этом основана философская система Ф. Жансона, молодого представителя французской феноменологии, прошедшего боевую школу в рядах Сопротивления.

Феноменология, согласно экзистенциалистской трактовке, является единственным методом, способным благодаря своей коренной *ambiguïté* (многозначности, недоговоренности, принципиальной незавершенности) учесть всю противоречивость и сложность реальности, многообразие ее возможностей. Именно благодаря этой гарантии объективности, «способности удовлетворять условиям двусмысленности», отмечает Жансон, ее и избрали своим методом такие несхожие мыслители, как Сартр и Раймон Арон.

Если исходить из основных экзистенциалистских взглядов на историю и на характер участия в ней исторического субъекта, то будет ясен, как абсолютно закономерный, полностью отвечающий внутренней логике экзистенциализма, тот факт, что наиболее резкая критика экзистенциалистов направлена не в адрес капиталистической системы, а в адрес идей коммунизма, его философии и исторического материализма, потому что именно здесь экзистенциалисты сталкиваются с единственно научной, реальной программой преобразования мира, идущей вразрез с феноменологической установкой на «признание настоящего».

На конец 40-х и на начало 50-х годов приходится целая волна антимарксистской и антикоммунистической литературы. Это, в первую очередь, произведения Мерло-Понти «Гуманизм и террор» (очерк по проблеме коммунизма) (1947), «Приключения диалектики» (1955), «Люди против человечности» Г. Марселя (1951), «Восставший человек» А. Камю (1951).

Идея революции несовместима с экзистенциалистскими воззрениями: с позиций «интенционального сознания» революция допустима толь-

ко «как движение, но не как режим» (Мерло-Понти). Эта феноменологическая путаница, связанная с непониманием исторических процессов, настолько неискоренима, что даже Симона де Бовуар, занимающая в политическом отношении весьма прогрессивные позиции, утверждает, что освобождение пролетариата ценно в качестве морального требования, но не как практическая цель.

Именно в полемике с марксизмом выявилась до конца вся идеологическая несостоятельность экзистенциализма.

Тот факт, что принципиальная империалистическая направленность ведущего представителя французского экзистенциализма, Сартра, привнесла его—прежде всего в области политики—на позиции коммунистического лагеря, внушила ему искреннюю симпатию к марксистской философии и значительно расширила сферу его прогрессивной общественной деятельности, — не дает никаких оснований для пересмотра «классического наследия» самого экзистенциализма. Ссылаясь на обращение Сартра к марксизму, было бы глубоко ошибочно утверждать, что тем самым внесены какие-либо изменения в экзистенциалистскую философию как таковую (поскольку никакой «ассимиляции» взглядов здесь быть не может) или что в самой этой философии имелись какие-либо объективные предпосылки для подобного выбора. Можно говорить лишь, как о результате, о практическом ослаблении позиций французского экзистенциализма вследствие существенного отмежевания от него Ж.-П. Сартра (хотя значительное влияние феноменологии можно обнаружить в его философии и сейчас).

Философское направление, которое концентрирует все свои усилия на психологических предпосылках поведения индивида перед лицом опасности, когда та станет реальной силой, уже неминуемой угрозой, действительностью, «очевидной» для всех. — это позиция, не способная предотвратить никаких преступлений против человечества.

Է. ՀՈՒՍԵՐԼԻ ՖԵՆՈՄԵՆՈԼՈԳԻԱՆ ԵՎ ՖՐԱՆՍԻԱԿԱՆ ԷԿԶԻՏԵՆՑԻԱԼԻԶՄԸ

Մ. Վ. ՉԱԼՈՅԱՆ

Ա Վ Փ Ն Փ Ն Ն

Խոր սկիզբիցիղմով ներծծված էկզիստենցիալիստական փիլիսոփայությունը օպորտյունիստական մեջ է ընկնում այն ուղիով, որով հասնում ենք նկատմամբ, որոնք շանում էին բացատրել և կանխագուշակել հասարակության զարգացման ուղիները:

Ֆրանսիայում Հուսերլի ֆենոմենոլոգիան հատկապես առաջվեց 30-ական թթ., երբ ֆրանսիական բուրժուազիան իր քաղաքական կարճատեսությամբ նախապարաստում էր երկրի ապագա քաղաքական ու բարոյական անկումը, Պատահական չէր. որ այդ առիթներին ֆրանսիական մտավորականությունն ընդունեց Հուսերլի ֆենոմենոլոգիան՝ որպես մեթոդոլոգիայի հիմք, քանի որ այն, ըստ էկզիստենցիալիստների մեկնության, միակ մեթոդն էր, որն ընդունակ էր հաշվի առնել օբյեկտիվ իրականության մեջ գոյություն ունեցող բոլոր հասկացությունները և բարոյությունները: